

УГОЛОК РОССИИ...

Процедура подготовки к летней оздоровительной кампании - процесс непростой и ответственный. Помимо оформления на работу, подписания разных заявлений она предусматривала такой мало приятный элемент, как сдачу баканализа. Здоровье детей превыше всего, поэтому вожатые и кружководы, не говоря уж о работниках кухни, должны быть абсолютно здоровы, особенно в отношении всяких кишечных палочек и прочих разносчиков заболеваний.

- Короче, Женьк, берешь Панченко и вместе с нами едем сдавать баканализ! - предупредил меня старший вожатый, - Встречаемся на автобусной остановке.

Сказано - сделано! С дружкой Сережкой мы ждали народ, приговоренный к баканализу в условленное время.

Четверть часа на автобусе, и вот уже наша разухабистая компания, загородив весь тротуар, дружно двинулась от козырька станции метрополитена по улице в направлении санэпидстанции.

- Сереж, а что такое баканализ? - спросил я старшего вожатого. Перейдя с другом Сережкой из разряда пионеров в разряд коллег по работе, мы еще не совсем отвыкли от манеры обо всем спрашивать старшего товарища.

- Анализ как анализ! - улыбался Типа, - мгновение дискомфорта, стеклянная палочка и спокойная работа целое лето!

Хоть ответ и был предельно прост и оптимистичен, что-то продолжало тревожить.

Двести метров от метро быстро закончились, и мы вошли под козырек главного входа солидный организации.

Люди в белых халатах торопливо сновали из кабинета в кабинет, о чем-то переговариваясь, что-то показывая в картонных папках друг другу.

- Уважаемый! - обратился художник Федосини к пробегавшему мимо клерку в белом халате.

Группа серьезных людей, которую мы представляли, внушала уважение всем своим видом, наверное поэтому человек в белом остановился. Лицо его выражало одновременно недоумение, почтение и готовность услужить.

- Подскажите, - продолжил габаритный художник, отпуская полу бледного как его халат человека, - нам бы баканализ сделать?

Была в этом вопросе какая-то незамысловатость, поскольку клерк мгновенно потерял к нам почтение и какой бы то ни было интерес и, махнув в неопределенном направлении рукой, исчез в одной из многочисленных дверей.

- Что он сказал про подвал? - переспросил нас художник.

Мгновенно рассредоточившись по помещению, мы быстро нашли лестницу, по которой спустились в узкий коридор с низким потолком, забитый народом.

- А откуда баканализ берут? - спросил Федосини стоявшего ближе всех к нему пожилого человека.

- Да, из жопы! У нас все через это место! - вместо ответа выдохнул старик.

Очередь перед нами была весьма разномастной. Были в ней и вожатые, как мы. Были и люди постарше- работники хоздвора. Условия тесного коридора не располагались к юмору. Люди стояли кто с безраз-

личным лицом, кто скучал, а кто откровенно нервничал.

Да, уж, действительно через задний проход! В полупустом здании санэпидстанции нашлось единственное место, где людей можно было напихать как в бочку селедку - этот узкий, низкий, неопрятный коридор!

Не смотря ни на что, очередь медленно продвигалась. Нам уже стали видны невысокая стойка, отсеивающая коридор от кабинета. Объявления на листах бумаги, что анализ на яйца глист принимают через кабинет налево, а кровь на Вассермана через кабинет направо. И еще много чего удивительного про грязные руки, бактерионосители и печень, как место обитания паразитических червей портящих нашу жизнь!

За стойкой появилась белобрысая голова. Ее хозяин, облаченный в неряшливый, когда-то белый халат, привычным движением мусливил палец во рту, переворачивал лист журнала «Огонек» и, взяв стеклянную палочку в намусоленные пальцы, произносит металлическим голосом автоответчика:

- Следующий, проходите! Снимите штаны. Нагнитесь. Раздвиньте ягодицы!

Отработанным движением рука со стеклянной палочкой погружалась в человеческое естество, чтобы затем упокоиться в персональной стеклянной пробирке. Затем короб с пробиркой передвигался дальше.

Практически без паузы процедура повторилась: помуслявить палец во рту, перевернуть страницу журнала, огласить приглашение на процедуру, наставления в добрый путь и стеклянная симфония в фанерном ящике!

Занюханный трехпрограммный приемник что-то гнусавил, лишь усугубляя напряженность ситуации.

Проскользнув за своим вожатым, а теперь еще и начальником, в неопрятный кабинет, мы с Серегой вы-

полнили свой общественный долг и стояли, застегивая брюки.

Федосини, обладатель могучего тела, снял брюки и взошел на Голгофу. Наступила его очередь.

Сквозь задернутые серые шторы полуподвального этажа в кабинет рвалось солнце, напоминая, что мир - он цветной, яркий и такой красивый! В трехпрограммнике своими мягкими шуршащими голосами запели «Песняры»: «Уголок России, отчий дом....»

Федосини нагнулся, и раздвинул ягодицы.

Все произошло с неумолимой неизбежностью, словно механический автомат, запрограммированный создателем, выполнял свою не очень приятную, но такую нужную для общества работу.

Тяжело вздохнув, художник разогнулся и натягивая брюки выдал на весь кабинет проникновенно и от души: «Уголок России, отчий дом!»

Казалось, бездушный механический монстр на мгновение дрогнул и остановился. На Федосини смотрели водянистые голубые глаза блондина с журналом «Огонек».

- Юмор? Юмор мы понимаем! - сказал блондин, почему-то упоминая себя в третьем лице, и машина приема анализов заработала с прежней неотвратимостью.

Через три дня нам предстояло получить результаты этого не простого анализа. Практически в том же составе, но теперь уже по выверенным вешкам, мы устремились через главный вход сразу в подвал, где ничего не изменилось. Мы словно ни куда и не уходили!

Тот же блондин, тот же журнал «Огонек», тот же замусоленный палец во рту и привычная последовательность команд.

Получив бумажки, подтверждающие, что ничего общего с бациллоношением мы не имеем, мы уже со-

брались уходить, как вдруг Федосини остановил нас решительным движением.

- Нет, мужики, что-то не так! - прозвучало скорее как предупреждение, чем угроза.

Действительно, каждый из нас чувствовал, что что-то изменилось. Но что?

Вот очередная жертва подходит к стойке.

Вот блондин мусолит палец во рту и перелистывает страницу «Огонька».

Вот пошла команда: «Проходите. Снимите штаны. Нагнитесь. Раздвиньте ягодичы».

Вот движение стеклянной палочкой.

Вот пробирки.

Эврика! Вот что изменилось!

Закончив отработанный процесс, с чувством выполненного долга, блондин подернутым хрипотцой голосом вывел себе под нос: «Уголок России, отчий дом!»

Причину нашего беспокойства мы нашли одновременно. Когда блондин запел, если можно так сказать, мы дружно заржали, откровенно диссонируя с обстановкой, атмосферой и даже исполнением песни.

- А, это вы? - подняв на нас глаза из-за стойки, спросил блондин, - Еще что-нибудь надо?

- Нет! Нет! Что вы! - поспешили мы ретироваться.

Из невеселого здания мы вышли в прекрасном настроении, и до самой автобусной остановки шли, распевая песню белорусских «Песняров», громко хохоча и понимая, что лето задалось, что великая сила искусства способна пробить и грязный халат в кабинете приема баканализа.

Нас ждали лес, речка, дети и наш уголок России. Мгновение дискомфорта и стеклянная палочка миновали, начиналось ЛЕТО!